

Саша Донцов о Жене Сыромятникове

Мы познакомились и подружились сразу, как только начались регулярные занятия на 1-ом курсе. Это было не удивительно, поскольку мы с Женей попали в одну группу, где, кроме нас двоих, были только девушки. По-моему, боюсь утверждать на 100%, из девушек в нашей группе были Лариса Грудьян, Оля Паршева, Инна Немечек.

Женя сразу произвел на меня впечатление вдумчивого, серьезного, я бы сказал даже мудрого человека. Особенно хорошо он ориентировался в истории, политике и религии. У меня же в те времена был полный провал по этой части. Так что все наши многочисленные споры «за жизнь» я неизменно проигрывал, что было, конечно, обидно, но я не обижался и старался усвоить все то, что узнавал нового от Жени.

Женя вырос, я думаю, в интеллигентной и политизированной семье, и уже в те года имел свою собственную точку зрения на мироустройство. Любимой его шуточной поговоркой была фраза: «весна прошла, настало лето – спасибо партии за это». В общем, несмотря на его кажущуюся необщительность и молчаливость, он был вполне контактным человеком, и мне было с ним легко в общении.

О его болезни я узнал совершенно случайно, поскольку он со мной до этого случая никогда на эту тему не говорил. Это было где-то к концу первого курса. Хотя мы уже в принципе выбрали кафедры, на которых хотели продолжать обучение, но все же ходили на «день открытых дверей» разных кафедр, чтобы лучше понять, чем где занимаются.

И вот однажды мы пришли на кафедру ВНД. Там нам показали трюк с крысой, которая находилась под стеклянным, звуконепроницаемым колпаком, в который был встроен звонок. Я стоял в первом ряду к этому колпаку, а Женя во втором. И вот включили звонок, который мы не слышали, но крыса хорошо слышала. Она сначала стала принюхиваться, потом беспокойно мотать головой, потом медленно побежала по кругу. Скорость бега быстро нарастала, крыса начала бегать уже не только внизу колпака, но и по его стенам. Наконец она обессилила, упала на пол кверху лапами и задергалась в конвульсиях. И в этот самый момент у меня за спиной кто-то застонал, затем раздался грохот. Я в ужасе обернулся и увидел Женю, лежащим на полу. Это был приступ эпилепсии, который, по-видимому, спровоцировал эмоциональный напряг. Все перепугались, особенно преподаватель (сейчас не помню, кто это был), а Женя буквально через три минуты встал и сказал, что все в порядке, и что мы можем не волноваться. Потом мы с ним пошли поесть в столовую, в зону «В» Главного здания, и Женя был уже совершенно в нормальной кондиции.

С этой болезнью Женя боролся отчаянно. В основном, нагружая себя физически. Он так хорошо освоил длительные поездки на велосипеде, что когда у меня

появился велосипед, и я стал ездить вместе с ним, то в первое время я не мог его догнать. Но потом освоился, и мы стали ездить на большие расстояния.

Однажды мы поехали на озеро Сенеж. Это примерно 60-70 км по Ленинградскому шоссе. Сколько ехали – не помню. Когда приехали, пошли купаться. Я просто окунулся, сил не было плыть, ноги были как не свои. А Женька поплыл аж на середину озера. Правда, не в самой его широкой части, но все равно достаточно далеко от берега. И вот я смотрю: он все лежит и лежит спиной на воде, периодически взмахивая руками, но никуда не плывет. Чувствую что-то не так. И когда я уже хотел плыть на помощь, он перевернулся и медленно поплыл к берегу. Оказалось, что на середине озера у него свело мышцы, и он ждал, когда утихнет боль!

После окончания Биофака, Женя пошел работать в Институт Баха (Ленинский проспект, 33). У меня уже была семья, рос сын, и мы встречались с Женей реже. Больше общались по телефону. Я знаю, что он очень хотел создать свою семью, у него была девушка.

Трагедия произошла в декабре 1978 года. Меня не было в Москве, я уехал в двухнедельную командировку в Баку. А когда вернулся и позвонил Жене домой, родители мне рассказали, что Жени уже нет. Он отравился бытовым газом. Я не знаю причин, по которым Женька принял такое решение, но думаю, что они были для него важными.

9 мая 2022 г.